

ДОМАШНИЕ СЛОВА (В АСПЕКТЕ ПАМЯТИ)
WORDS OF FAMILY (THE COMMEMORATIVE ASPECT)

Семенова С.Ю.

(sonya_sem@mail.ru; ИНИОН РАН)

Аннотация

Язык семьи, наряду с идиолектом отдельного человека, является неповторимым лингвистическим явлением, отражающим личностные качества, домашнюю атмосферу, социальный круг, эпоху. В привычной повседневности семья скорее всего не задумывается о своем языке, но его осознание может наступить при перемене судьбы. К автору это осознание пришло после личной утраты. Возникла потребность записать по памяти фрагменты семейной речи. Ведется файл семейных высказываний, сейчас в нем более 7 тысяч записей. В работе рассматриваются некоторые примеры домашней цитации (которая, наряду с оригинальной речью, отчасти также является "зеркалом семьи") и самобытных высказываний (тех, что не составляют сугубо личную часть файла). Постоянно присутствовавшая в домашнем языке пародийность представляется одним из атрибутов счастливой семьи. В целом задача изучения семейной речи как наиболее непринужденной и наиболее лично характеризующей разновидности речи разговорной представляется значимой и в лингвистическом, и в общечеловеческом плане. Кроме файла, ведется хроника семейных событий, за последние 26 лет жизни ушедшего человека. В работе приводятся некоторые моменты самонаблюдения в процессе написания хроники. Этот процесс можно рассматривать в том числе как интраличностную коммуникацию во времени.

*Где ты, там и есть наш дом (из шуточного
разговора летом 2003 года, на даче...)*

Язык семьи, наряду с идиолектом отдельного человека, является неповторимым лингвистическим явлением, отражающим личностные качества, домашнюю атмосферу, социальный круг, эпоху. В привычной повседневности семья скорее всего не задумывается о своем языке, но его осознание может наступить при изменении судьбы. К автору это осознание пришло после потери мамы (2004 год). Возникла потребность по возможности, насколько позволяет память, записать ушедший семейный язык (который сейчас стал ностальгичной семейной цитацией). Ведется файл семейных высказываний, в настоящий момент в нем более 7 тысяч записей (при этом имеется, правда, некоторое количество повторов). Файл, не сортированный, с не устраненными повторами по сути являет собой протокол потока памяти – попытку восстановить по крупницам, как говорила семья, когда все были живы. Встречающиеся через какое-то время и количество записей повторы воспринимаются как подтверждение

достоверности вспоминаемого. Записываются высказывания всех членов семьи – либо принадлежащие ушедшему человеку, либо слышанные им в домашних разговорах. Далее в примерах почти не будет указываться авторство; будет сделана попытка обрисовать общий речевой семейный портрет.

Об этой мемориальной деятельности уже частично рассказывалось в [6-8]; в очерке [6], написанном ещё до образования файла, осмысливались некоторые черты данного семейного языка; в [7] фактически шла речь о начале работы над файлом; в [8] рассмотрен ряд типов отрицательных домашних высказываний, со своей специфической для языка близких людей иллокутивной функцией отрицания.

Файл ведется исключительно по памяти, в него вносится то, что имеет более или менее отчетливый звуковой образ – в голосах, интонациях, в контексте видимых мысленным взглядом особо памятных или, наоборот, типовых ситуаций. Много звучавшее вспоминалось лишь месяцы и годы спустя после горестного события.

Записываемое по содержанию (и, так сказать, по степени известности и открытости) можно разделить на три части: 1) звучавшая в семье (чаще всего с иронией) крылатая цитация; 2) средняя часть - индивидуальные домашние высказывания, многими из которых хотелось бы поделиться с окружающими; 3) часть сокровенная, сугубо домашняя – домашние прозвища, каламбуры, пародии, приговаривания, комментарии и другое.

Цитация, при ее общеизвестности, несет в себе также и индивидуальные черты – ведь говорящий, в соответствии со своим миропониманием, совершает выбор цитат из весьма широкого «крылатого» множества. С одной стороны, цитация отражает общую атмосферу семьи, с другой - характер каждого ее члена, а с третьей стороны, цитация есть отпечаток эпохи, вернее, слияния эпох, хранящихся в семейной памяти: в данном случае можно сопоставить цитацию людей трех "конкретно-исторических" российских поколений: 1900-х, 1920-х и 1950-х годов рождения.

Сокровенная часть файла с ностальгией запечатлевается для оставшихся членов семьи, ее не хотелось бы выносить на лингвистическое обсуждение.

А средняя часть могла бы войти в какие-то другие коллекции устной речи, например, в Интернете. Виртуальная среда в данном случае могла бы служить не только средством доступа к коллекции с

теми или иными исследовательскими целями, но и памятником отзвучавшему, замолкнувшему.

Кроме конкретной мемориальной задачи, собирание высказываний поднимает вопрос об изучении языка семьи как лингвистического явления. Ушедшее словесное творчество, безусловно, имеет черты и индивидуальные, и общие – сходные с тем, как говорят в других семьях – этой эпохи и примерно этого социального круга. Тем самым, средняя часть файла могла бы служить общей задаче (и социолингвистической, и психолингвистической) изучения семейной речи – речевой деятельности, в которой человек наиболее коммуникабелен и естественен.

Файл также может служить иллюстрацией того, как реально говорил советский человек, советский гражданин и горожанин. Ведь если фиксируемый в корпусах массив произведений современной речи пополняем, то массив советской речи, в принципе, уже закрыт. Тем более, коллекции, подобные данной, могут представлять интерес как источники если не пополнения корпусов (поскольку опираются всего лишь на воспоминания), то дополнения к корпусам. К тому же корпусы и подкорпусы устной речи в большей мере содержат тексты выступлений, интервью и т.п., нежели образцы речи в семейном кругу. При анализе советской речи по художественным произведениям и публицистике сложно соблюсти объективность, так как анализ опирается на тексты сочиненные и часто идеологизированные либо по-советски, либо антисоветски. А собрание непринужденных домашних высказываний дает определенный материал для непредвзятого изучения советской речи.

Подобные коллекции, собранные вместе, могли бы составить определенный культурологический фонд, обобщенный речевой портрет советских поколений, чья жизнь состоялась в уникальную историческую эпоху – некий языковой отпечаток той цивилизации, откуда родом все нынеживущие люди страны.

Как определить место файла по отношению к другим близким материалам языковедческих исследований? В чем он им подобен, с какой проблематикой связан? Непринужденное речевое творчество практически постоянно притягивает к себе внимание исследователей; русской разговорной речи посвящены, например, известные работы конца 20-го века [2] и [3], и многое звучавшее служит иллюстрацией исчисленных в них явлений – рифмовок (*братики - рефератики*), речевых масок (*рАбенок /ребенок/, опЕть /опять/, газ погОшен*), звуковых деформаций (*Академия нОук*), неузуальных употреблений

(*свободный огурец в свободной России*), псевдовосстановления основ (*селеда, таблета, подуша*), каламбуров (*"Гермес-Финансы" поют гермес-романсы*), вкрапления цитат и клише в вольный речевой поток (*Ну что, кончаю-страшно-перечесть?* – когда завершалась работа над статьей; *Съезжу подниму Нечерноземье* – на дачу на один день) и другого. Проблема соотношения языка и памяти как глобальных феноменов поднималась в работах, выполняемых в русле логико-лингвистических исследований; в частности, в [1] отмечается созерцание прожитого прошлого двояким "я": "я" тогдашним и "я" теперешним; обнаружение в себе этого раздвоения оказалось неизбежным при ведении файла (и семейной хроники, о которой будет сказано ниже). Содержание файла имеет сходство с собранием фрагментов транскрибированной речи [4], где зафиксированы речевые особенности носителей из разных социальных групп в разных речевых ситуациях. Файл, а также семейная летопись- описание жизни семьи в последние мамины 26 лет, перекликаются и с так называемым эго-текстом (текстом, написанном человеком о самом себе с субъективной точки зрения); эго-текст с различными его малыми жанрами подробно анализируется в [5]; из приведенных в этой монографии жанров наиболее близкой представляется домашняя письменность.

В файле из конкретных видов цитации можно назвать:

- собственно фольклор – пословицы: *Как веревочке ни виться...; Не радуйся найдемши...; Загад не бывает богат; Загадала баба с вечера, утром встала – делать нечего; Сытый голодного не понимает.* Пословицы звучали по большей части горестные, выражающие удивленное смирение перед неумолимостью судьбы;

- общеизвестные фольклорные обороты, в основном пришедшие от бабушки и цитируемые мамой: *есть не просит; ты не стеклянная; по любви поминки; спутал гвоздок с панихидой; забыл дышать; Слепой сказал: "Посмотрим", глухой сказал: "Послушаем"; Во работка – не пыльна, а денежна; в гроб краше кладут; хуже горькой редьки; на всякий пожарный;*

- пришедший от бабушки городской фольклор, ещё дореволюционный, потом Первой мировой и Гражданской войны; потом первых советских лет: *Наварила, напекла, не для Гришки (Грицки), для Петра; Шила милому кисет - вышла рукавица, меня милый похвалил: "Вот так мастерица!"; Портной Пепка шьет крепко; Мама, мама, что мы будем делать, как настанут зимни холода? – У тебя нет теплого платочка, дочка, у меня нет зимнего пальта.; У меня калоши есть, берегу их к лету, а по совести сказать, у меня их*

нету; Вставай, ворочай, народ рабочий; Пролетарий? Пролетай, не останавливайся! Пародия на говор: *Я ВлОдимирской губерни, из дЕрЕвни ПОкрОва, запрЯгай, мужик, кОбылу, и пОедем пО дрОва.* Многие помнятся в бабушкиных устах, а многие цитировались мамой – со сжатой, глубинной интонацией памяти;

- фольклор тридцатых и сороковых: *Граждане, не стойте у порога, граждане, воздушная тревога; Мужикам коров доить, бабам на собрание;*

- веселый, уверенный советский фольклор второй половины века, общегородской: *Четверг – рыбный день; В водке есть витамин, сказал Хо Ши Мин; Мы пьем в меру, сказал Неру, а мы пьем досыта, сказал Хрущев Никита; Электрификация: всем до лампочки; от Ильича до Ильича...;* а также фольклор научной, академической среды тех лет: *инженер; пролетарий умственного труда; Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан; институт имени мине; братская могила (сборник публикаций); возгнал (ВАСХНИЛ); копать от забора до обеда (связь пространства со временем);*

- фольклор, пародирующий школьные истины: *После сытного обеда по закону Архимеда полагается поспать; Сапоги мои того, пропускают Н²О (подобный фольклор сам, в свою очередь пародировался: Голова моя того-с...;*

- приводимые в переносных бытийных ситуациях, обычно с юмором, идеологические и исторические клише советской эпохи: *Три источника и три составные части; Детская болезнь левизны; Всегда готов (как пионер)!; Партия сказала, комсомол ответил: "Есть!"; Подпольный обком действует; до основанья, а затем; при развитом социализме; минуя капитализм ("капитализм"); сколачивать антигитлеровскую коалицию. Кличе можно было и развивать, например от социализма к демократическим временам: *от лампочки Ильича до лампочки Чубайса;**

- цитаты из постсоветских политических передач, клише "новейших" времен: *полиЦЫческая ночь (в память о первых Думских выборах, декабря 1993 года); процесс пошел; в одном флаконе; всенародный ("всенародно избранный"); переходный период (откуда-куда?); Пересадили людей на другую планету; Мы проснулись в другой стране; Доживаем, доедаем, донашиваем;*

- веселые неполитизированные клише из разных "предметных областей": *Ну, что нового в науке? (произносилось с фонетическим утрированием: Что нового в науки?); Всё течет, всё изменяется; хозяйке на заметку; остатки прежней роскоши; для дома, для семьи;*

меньше наперед заданного числа; с баланса на баланс; по совместительству; Все бортовые системы работают нормально (про самочувствие); Слушаюсь, товарищ начальник!;

- фрагменты классических произведений: *Что ж ты спишь, мужичок, ведь весна на дворе!; Затягивай крепче гужи; Вашему пахарю моченьки нет; Выпьем с горя, где же кружка* (когда приходилось пить сердечные); *Буря мглою небо кроет* (про магнитную бурю); *На красных лапах гусь тяжелый* (про бордовые резиновые сапоги); *Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем* (примерка нового вязания); *равного которому нет в природе*; "почти цитата": *Что день грядущий НАМ готовит?*;

- классика советской поры, серьезное: *Благодарю, что не умер вчера!* или веселое: *Счастье наступит исторически; до пояса здесь, остальное там; шумит, как Есенин в участке; и ставит, и ставит им гра-адусники!; новые (с точки зрения старшины) сапоги кирзовые; Мне, коту усатому, скоро год;*

- киноклассика, веселая: *падают и в штабеля укладываются; кофе и какао с чаем; клиент зреет; цыганская почта; в мешок и на крышу; Я была на веранде... писала реферат; А не замахнуться ли нам на Вильяма нашего Шекспира?;* серьезная: *На земле все люди – дома* («Журналист»); «дейктическая» (имя совпадает): *У Лизы родилась дочка!* («Председатель»);

- броские цитаты из однажды увиденных телепередач: *пишут музыку в счет 90-го года на сэкономленной нотной бумаге; пОйду пОсплю пО сОстОянию здОрОвья; Косой на связь не вышел;*

- крылатые фрагменты анекдотов: *Задание есть? Идите и выполняйте!; Чукча не читатель, чукча писатель; врач-стахановец;*

- фразы из выступлений юмористов, чаще всего А.И. Райкина: *СобрИжать надо!; Это я сказала, это я прЯдупрЯдила; ко дню ПарижЕской Коммуны; Ну музей, нечем банку открыть!; как простой инженер!;* и некоторых других юмористов: *Ну как там в Греции?;*

- произносимые или напеваемые с иронией крылатые песенно-романсовые цитаты; эстрада прошлых десятилетий: *Всё хорошо, прекрасная маркиза* и другие; эстрада развитого социализма: *за себя и за того парня; Но не выросла еще та ромашка; Где ты раньше был, целовался с кем?; Он сказал: "Поехали!"; Мы поедem, мы помчимся на оленях утром ранним.* Эстрада "переходного периода" практически осталась неосвоенной, даже для иронизирования, и в семье не раз обсуждалась ее бездарность;

- студенческий песенный фольклор конца 1940-х годов, весьма разной степени официальности, передающий восходящее настроение тех лет: *Мы студенты великого МАИ, нам присущи традиции свои; Я - директор МАИ, все студенты – мои; С троллейбусной дуги свисают две ноги, это едут два студента из МАИ; На далеком Соколе институт отгрохали.*

Песенная цитация соответствует характерам: мамино цитирование, хоть и ироничное, все же нежнее, грустнее, глубже, с подтекстом – часто мелькает мотив **прощания**: *Сама садик я садила; Сердце, тебе не хочется покоя; На прощанье шаль с каймою; Провожают гармониста в институт; Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья; Уезжаю я от вас на далекий на Кавказ.*

Цитация остальных членов семьи насмешлива, часто десемантизирована (во всяком случае, лишена тревожного подтекста), поверхностно ассоциативна, свидетельствует о склонности к высмеиванию вся и всё, о душевном комфорте, о самоощущении "как за каменной стеной": *Поеду я в город Анапу, куплю себе белую шляпу; Кипит на примусе картошка; Когда я был мальчишкой, носил я брюки клеи; Студент бывает весел все время между сессий, а сессии всего два раза в год; Милый, купи мне дачу; Мы готовы к бо-ою, товарищ Вороши-илов (собрались на дачу); А в кармане возле сердца комсомольская путевка (предложили путевку в дом отдыха); Слева кудри токаря, справа кузнеца (два семинара объявлены на один и тот же час).*

Средняя часть файла – это собственно домашние высказывания, с одной стороны, не представляющие собой буквальных цитат, с другой стороны, не являющиеся слишком сокровенными.

Кроме высказываний, возникших в семье, к ней можно отнести также броские реплики окружающих, запомнившиеся и цитировавшиеся в домашнем кругу. Например, давний, так и не сбывшийся императив одного врача: *Вам надо жить в реанимации!* Формулировка одной знакомой в эпоху приватизационных "разборок": *комсомольско-молодежное кладбище*. Цитировалось, конечно, и более мирное: *К Новому, девочки, году; Москва прожорлива; Жареная мойва – ананас!; Таблетки от задышки; Все приглашаются на просмотр цветка*. Слова женщины-почтальона, приносившей в 90-е годы пенсию: *Денег – целая пачка! Не надорвитесь, когда понесете в магазин!* Плотник-украинец прибывал перила к крылечку, приговаривал с добротой: *Щоб бабка кралася!* Высказывания запоминались в силу их остроумия, или, например, благодаря

интересной интонации, которую хотелось пародировать: *получается такой ко-о-о-лер!* (рецепт хрена со свеклой), или, медсестра обращается к врачу: *Что писать? – Пиши: "Хра-ани-ическая ишемиическая... "*. Некоторые реплики запомнились в силу нелепости, вроде сценки в магазине: *Девушка, это сатин? – Нет, это стопроцентный коттон!*, или политических наскоков конца 80-х: *Отчитайтесь, как Вы перестраиваетесь!*

Из собственно семейного. Звучат в душе предельно серьезные высказывания мамы: *Я чувствую, что силы меня оставляют...; Я живу через силу, я все делаю через силу!. Я, конечно, ещё поживу, но если вдруг ЧТО, ты должна понимать, что я все-таки очень больна... Стон в отчаянной медицинской ситуации: Какому Богу молиться?!. Диалог, меру серьезности которого автор все-таки не ощущал полным сознанием: Как я за тебя боюсь! – Бойся - не бойся, а ... естественный процесс...; Не надо так меня любить! – Почему?- ... [молчание, ставшее понятным только ПОСЛЕ: потому что расставаться будет слишком тяжело].*

Удивительны мамины ремарки самого начала 1980-х годов: *У нас очень хорошие законы, но люди не доросли до них; Интеллигенция не простит [что получает меньше рабочего класса и доярок, и что ее унижают идеологической муштрой], придет время, и она так отомстит!*

Комментарии на злобу дня в последние годы: *Как зажали людей!* (о ценах); *Диктуют, когда людям ездить!* (в выходные дни есть более дешевые билеты); *Все для "новых русских"!*

Более домашнее. Упреки: *У тебя сейчас должен быть самый расцвет!* (а ты, мол, все хандрить) *Потом пойдут болезни!; Зато всех царей помнит наизусть!* (если забывалось что-то важное бытовое). Предупреждения: *Осторожно через дорогу!!! Перед праздником все ошалели, летят на красный свет!; На дороге: Смотри, поворотники! Пережди! Жди следующего зеленого света!*. Домашние предостережения: *Передали штормовое предупреждение!; Никогда не покупай торт на праздник!* (потому что в него неизвестно что кладут); *Никогда не ешь с ножа: порежешь язык – слизистая не заживает!; Никогда не вставай на табуретку!*

Привычные диалоги трапезы: *Вкусно! – Ешь, заговляйся!; Вкусно! – Ешь, пока живот свеж!* Но однажды, НЕЗАДОЛГО: *Вкусно! – Ешь, пока мать жива!*

Семейная память всегда хранила речевые реликвии детства, например, мамин детский перл: *Ловкие гимнасты, сколько в них*

наваги! (отваги), или цитированный ею детский лепет автора. Машины воспоминания детства: *Дядь Леня звал меня "Лизбетка", у меня были щеки толстые...* Всплывает диалог, даже не услышанный ею, она в это время была на работе: *Баба, сначала сад, потом школа? Потом институт? Потом работа? Потом пенсия? А потом? – Говорят, потом суп с котом.*

Семьей помнились забавные речевые ситуации бабушки - оброненная в 70-е годы оговорка: *Луис Корвалол* (Корвалан); про В. Третьяка, совсем тогда юного, сидящего на льду у ворот Сборной СССР: *Ведь он же простудится!*; разговор в ведомственной поликлинике АН про историю болезни с буквой "Б", врач: *Ну, буква "А" мне понятна* (член семьи сотрудника), *а вот что такое буква "Б"?* – *Это бабушка....*

Ушедший язык изобиловал игрой; игра, а в ещё большей степени потребность в ней, представляется сейчас своего рода лингвистическим доказательством счастья. После утраты, по контрасту видно, что игра – это естественный гимн Жизни, наслаждение самой ее фактурой. Вдохновение в игре служит признаком душевного комфорта, в данном случае это - отклик на душевный подвиг человека, подарившего счастье.

Привычны были фонетические игры. Например, в духе индоевропейских соответствий согласных: *фуфайка* "до пупа" – *пупайка*; *кофточка* – *копточка*, причем согласные сдвигались интуитивно, без малейшего знания индоевропеистики – видимо, в силу неких глубинных артикуляционных законов. Звучали довоенные "детские" слова: *юбтя* (юбка), *кусманчик* (кусочек). Деформировались гласные: *бОнан*; *тридцать шАсть* и *шАсть*; сдвигалось ударение: *Ты не видишь мои чУлки?* *ЧУлки-булки?* *Где мое блюдЕчко?* (*Где моя кружЕчка?*); переставлялись звуки: *банон* "Данона" - *данон банона*; *стрижка* и *бритье* – *брижка* и *стритье*, придумывались междометия: *Крючк!* *Закорючк!* (про вязание). Тянулись звуковые ассоциации, например, про сильный грипп: *Меня развЯзло!* *Большие Вяземы!*; про небольшое ОРЗ: *Малые Вяземы*. Обыгрывались названия лекарств; названию – «аптечному» нагромождению звуков приписывался созвучный образ на родном языке: *хворал гидрат* (хлоралгидрат); *А* [домашнее имя] *крестепин кресте-пил?* Надевались маски: *пачпорт*; *хранцузский*; *Мне черенького!* (хлеба). Пародировались элементы других языков: *Что творидзе!* *Что твори-Цзэдун!*. Утрировались звуки, под "вульгаризацию": *Ешь-ней-веселисЬ!*. Обыгрывались

звуковые ассоциации, например известная ассоциация отрицательной частицы с учреждением: *НИИ-рыба, НИИ-мясо; НИИ-свет, НИИ-заря.*

Трудно сказать, являются фольклорными или домашними звучавшие рифмовки *метель - канитель, кино - веретено, девочка - сопелочка.* Они, скорее, фольклорны. Видимо, авторское, мамино - сочетание *братики - рефератики,* родившееся, судя по всему, в начале 50-х, в эпоху ее подработок в ВИНТИ. Явно домашнее: *диагноз - анамнез, карамели - пустомели.* От фольклорного *вроде Володи* дома выработалось *вроде Мавроди.* Зарифмовывались названия дорогих семье учреждений: *твои МАИ, ваша Монташа* (Монтажное управление).

Обыгрывались переходы переносного и буквального значения: *Картошка загнивает, как капитализм; Сапоги подмокли, как репутация; У тебя мыло течет! – Все течет, все изменяется.*

Иногда ради иронии "пристегивалось" английское словцо, комично тонущее в русском контексте: *Как твоя тэмперача? – 37.1. – Тьфу! Опять 37.1! Когда же будет нормальная?!*

Из комического особую цену сейчас имеет то, что придумывалось для поддержки и утешения друг друга: *Кустики думают, когда же наша мамка приедет, будет нас [удобрением] кормить?; Как тебя беречь и приумножить?!; Шушуновский опорный прыжок!* (рискованное для больных ног перешагивание из электрички на платформу; Е. Шушунова – олимпийская чемпионка в опорном прыжке).

Для автора, к сожалению, комичное было чаще воплощением желаний блеснуть и рассмешить, чем желаний согреть, и это уменьшает сейчас ценность многого звучавшего: *минеральные удобрения, комбикорм* (про поливитамины и пищевые добавки); *антисемьит* (плохой семьянин); *куцавейка* (старая жилетка); *защититься с блеском – провалиться с треском; Все посредственности стали посредниками.*

Высмеивались ситуации фальши: *Случайно остался один костюм* (домашний синоним *рояля в кустах*); *Всё перед Вами, как в торговле.*

Добрый домашний смех над знакомыми: *У нас в Техотделе ребята смеялись, Э., скажи: "шашлык". – Фафлык. - Скажи: "Саша шла по шоссе." – Фафа фла...; В. в детстве плохо кушал, а Н.И. хорошо кушала! Н. держит телевизор Чумаком книзу и заряжает ванну.*

Комическое часто обретало форму пародии:

- на классику: *Кто там в малиновом жилете* (про реальный жилет); *И в банки, и в банки закатывает* (про домашнее консервирование; ср.: *И ставит, и ставит им градусники*);
- на заезженные обороты: *из солнечного* [географического объекта] - *яйца* (творог, сосиски и т.п.) *из солнечного "Радужного"* (рынок, работавший неподалеку в последние мамины годы); *в качестве культурного отдыха - пойдешь почистить картошку (помой посуду и т.п.) в качестве культурного отдыха!*;
- на научную деятельность: *шить* (и выполнять прочую работу) *будем как интегрировать – по частям!*; *Применяют* [к магазину] *метод Штурма*; *Ты совсем не следишь за моим вареньем!* (пародия на "следить за литературой");
- на выступления прославленного юмориста: *Ты как печка! Ты можешь отапливать северные районы!*;
- на песенные тексты: *Увезу тебя я в Тынду!* (поезд "Москва-Тында" вез диалоговцев в Казань в 1995 году); *Ты, "художник"!* *Ну что ты купила?!* - *Я его купила из того, что было!*; *Поэма из лука, симфония из чеснока* (про садоводческую лекцию О.А. Ганичкиной); *Он сказал: "Приехали!"* (про самочувствие);
- на киноклассику: *Я просто падаю! И в штабеля укладываюсь.*

Пародийно обыгрывались бытийные домашние ситуации: *Москва Сортировочная* (про утомительную переборку ягод в урожай); *Большая Медведица и Малая Медведица* (про зимнюю прогулку в шубах); *ресторан "Пекин"* (когда мама пекла пирог).

Представляется, что пародийность связана с противопоставлением домашнего и внешнего мира. Домашний мир счастливой семьи представляется ее членам несравнимо выше, ценнее, поэтому внешний мир пародируется ею - с юмором, с чувством "превосходства", уверенности. Пародируются внешние ситуации, поведение и реплики людей, клише всех прожитых эпох (*через головы поэтов и правительств*) и другое. Внешний мир воспринимается "сквозь призму" своего микрокосма, и пародийность выступает как признак именно счастливой семьи.

В заключение хотелось остановиться также на аспекте "междисциплинарном", точнее на общечеловеческом. Кроме ведения файла семейных высказываний, после трагического события возник ещё один вид деятельности – описание жизни семьи по годам, с 1978 – года смерти бабушки, и до последнего маминого утра - 6 марта 2004 года. Всего 26 лет, 2 месяца и 6 дней – четко отмеренная сиротством,

наступившим в 1978 году, вторая половина маминой жизни. Каждый год вспоминается с большой подробностью, которую трудно было бы себе представить синхронно Жизни (*Мы не помним, что вчера было, а ты говоришь...*). При воссоздании хроник происходит постоянное переключение от синхронного созерцания к «постистории» – то, что можно отнести к интраличностной коммуникации во времени. При написании в себе улавливается смешение по крайней мере трех взглядов на происходившее - взгляд глазами мамы, взгляд глазами автора тогда и его взгляд теперь. Переключений во времени бывает и больше, например, некоторое описываемое событие, затем его следствие годы спустя, но при маме, и затем его нынешняя интерпретация. Происходившее оценивается как бы сверху, с некоторой вышерасположенной точки обзора – ведь про многое известен финал. Часто происходит переоценка – и поступков окружающих, и своих собственных. Во многих частных моментах ощущается связность хода судьбы, не осознававшаяся в живом потоке. Волнуют, требуют отражения и некоторые прошедшие рядом судьбы близких - людей маминого и предыдущего поколений.

К настоящему моменту закончены описания первых лет – с 1978 по 1981 год, некоторых последних лет – с 1998 по 2001 год, и последнего отрезка – чуть более 60 прожитых дней 2004 года. Собственно, с воссоздания последних 60 дней началось мемориальное описание – хотелось максимально подробно рассказать о последних шагах по земле, разговорах, тревогах (актуальных пока что по меркам Жизни), планах... Повесть о личностном расцвете ушедшего человека, о самопожертвовании, о тайном, невидимом для близких поединке с антонимом Жизни, осмыслить нравственный путь каждого члена семьи к страшной дате. Рассказать о подвиге человека в болезни - подвиге, за который, как выразился когда-то один врач, *не дают медалей*.

Для каждого года вырисовывается свой лейтмотив, иногда связанный с серьезными событиями, а иногда - с милыми эпизодами, с улыбкой вспоминавшимися в семье. Путешествие в каждый прожитый год сейчас стало душевным отдохновением.

Неразрывно от семейной судьбы анализируется эпоха, ведь всё происходило в реальном историческом контексте – советском и постсоветском. Есть желание хотя бы в виде фона достоверно отразить многогранный и, как представляется, малоизученный, нарочито поверхностно изображаемый в искусстве облик 1980-х годов. Показать затем, как влияли на "одну, отдельно взятую" семью перемены 1990-х

годов и самого начала "нового тысячелетия", как тонко отразился на судьбе слом формации. Конечно, в свершившейся судьбе много общего с другими русскими судьбами; уникален характер, редка основная болезнь, но исторический «антураж» оказался единым для очень многих.

Неизбежно затрагивается тема медицины – и многочисленные за жизнь, разные по впечатлениям и результатам встречи с людьми этой профессии, и отношение некоторых ее представителей к тяжелобольному терпеливому и скромному человеку. Возможно (согласно индивидуальной статистике автора, конечно небеспристрастной), в московской медицинской среде пик бездумного обесценивания жизни, "либерального" к ней отношения, пришелся как раз на рубеж веков, на момент опаснейшей болезни (*Нам всегда "везет"; Нам везет, как утопленникам*). Быть может, к этому рубежу истощился советский профессионализм, а альтернативный ещё не успел созреть...

Невольно, когда известен исход, на всем пути отслеживается поединок Жизни и Смерти, тропинка к последней болезни, шедшая через все годы и как бы "случайно" не открывавшаяся, не позволявшая себя осознать, "подстелить соломку". Написанием текста движет в том числе удивление, как СЛУЧИВШЕЕСЯ могло случиться - удивление, которое не утоляется общим знанием, что люди смертны, что человек был очень болен, что *После 70 лет жизнь - в подарок*. Поражает успокоенность ЖИВЫХ перед самой трагедией, уверенное ощущение, что в этом году самочувствие лучше, чем в прошлом; небывало деятельная переключенность с медицинских на гораздо менее значимые дела. Подобным опытом делились с автором и некоторые знакомые, перенесшие тяжкую потерю.

В настоящее время текст пишется, главным образом, на внутреннем языке дневника, почти без объяснений, необходимых внешнему читателю – во многих местах так, как если бы он СЕЙЧАС предназначался маме. Для Интернета или, возможно, другой формы опубликования текст должен быть несколько преобразован, изъято наиболее личное, добавлены пояснения. Хотелось бы, чтобы сложный опыт ушедшего человека, в том числе воплощенный в речи, оставался полезен живущим.

Литература

1. Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные концепты – М.: Наука, 1991. С. 78 – 85.

2. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981.
3. Земская Е.А. (Отв. ред.) Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест – М.: Наука, 1983.
4. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия – М.: 1995.
5. Михеев М.Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX-XX) // М.: 2007.
6. Семенова С.Ю. Об ушедшем языковом творчестве // <http://dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/semenova.htm>.
7. Семенова С.Ю. О файле памяти // Понимание в коммуникации. 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля – 1 марта 2007 г.) – М.: НИВЦ МГУ, 2007. С. 114 - 116.
8. Семенова С.Ю. Об отрицании в контексте счастья и печали (в печати).